

Дмитрий Дитяткин, Виталий Тихонов

Рец. на: С.В. Соколов. Концепции происхождения «варяжской руси» в отечественной историографии XVIII–XIX вв. в контексте европейских идей Раннего Нового времени. Екатеринбург: Банк культурной информации, 2015. 316 с.

Dmitryi Ditiatkin, Vitaliy Tikhonov
(both — *Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow*)

Rec. ad op.: S.V. Sokolov. Kontseptsii proiskhozhdeniia «variazhskey rusi» v otechestvennoy istoriografii XVIII–XIX vv. v kontekste evropeiskih idey rannego novogo vremeni. Ekaterinburg, 2015

Внимание к так называемому «варяжскому вопросу» (этнической принадлежности варягов) в отечественной историографии не ослабевает уже несколько столетий. Политические, мировоззренческие и научные вопросы переплелись в нём настолько тесно, что порой их невозможно разделить. В последние годы можно наблюдать явный всплеск интереса к изучению варяжского вопроса в историографическом ракурсе¹, что вызвано не только желанием историков оценить нелёгкий и извилистый путь изучения проблемы, окончательное решение которой постоянно наталкивается на скудность источниковой базы, и, исходя из этого, наметить дальнейшие направления исследований. Когда аргументы сторон принципиально не меняются несколько десятилетий, а то и столетий, историографические исследования превращаются в своеобразное продолжение дискуссий вокруг собственно варяжской проблемы. Между тем потребность во взвешенном и неангажированном историографическом исследовании темы давно назрела.

Монография С.В. Соколова, посвящённая отечественной историографии проблемы «варяжской руси» XVIII–XX вв., ставит целью исследовать дискуссии вокруг варяжского вопроса в контексте европейской интеллектуальной истории Раннего Нового времени. Вначале автор подчёркивает, что

само понятие «варяжская русь» не вполне корректно с исторической точки зрения и является историографическим конструктом. Тем не менее именно историографический ракурс работы позволяет его использовать. Хронологические рамки определяются тем, что именно в то время, по мнению автора, происходило формирование отечественной исторической науки, а спор о варягах стал первой острой дискуссией российских историков. В качестве верхней границы выбран конец XIX в., поскольку тогда дискуссия «вошла в спокойное русло» (с. 27). На самом деле указанным периодом Соколов не ограничивается. Для выявления истоков различных версий происхождения руси он углубляется до XVI в., что позволяет показать генезис многих концепций, получивших распространение в XVIII–XIX вв.

Книга открывается анализом имеющейся историографической литературы по истории изучения варяжского вопроса. Особенно отмечается обзор литературы, сделанный в 1931 г. В.А. Мошиным, отличающийся обстоятельностью и, по мнению автора, выгодно выделяющийся на фоне написанных с норманистских и антинорманистских позиций последующих трудов. Любопытно наблюдение, что концепции историков-норманистов оказались изучены полнее, чем их оппонентов (с. 29).

В первой главе даётся краткая характеристика источниковой базы книги — историографических (трудов историков) и исторических источников, на которых строится изучение варяжской проблемы. По предложению автора, историографические источники можно разделить на «прямые и косвенные». «Прямые» он называет относящиеся к изучаемому периоду (XVIII–XIX вв.), а «косвенными» — те, «которые не соответствуют хронологическим рамкам работы» (с. 31). Несмотря на признание автором условности такого разделения, можно усомниться в его правильности, поскольку формально хронологический критерий классификации приводит к тому, что важнейшие источники, где фиксируется появление той или иной концепции, оказываются «косвенными», в то время как малозначимые, попадающие в нужный хронометраж, — «прямыми». Думается, целесообразнее было бы дать более традиционную видовую классификацию. Заметим, что в самом исследовании автор быстро забывает о своей классификации и не делит источники на «прямые» и «косвенные». Вообще при прочтении данной главы может закрасться сомнение в целесообразности её специального выделения. Не удобнее ли было для читателя давать краткую характеристику трудов историков, а также их источниковой оснащённости, непосредственно в разделах, посвящённых разбору их концепций и позиций в дискуссиях?

Особая глава посвящена концепциям происхождения варяжской руси в исторических сочинениях XVI–XVII вв. Пожалуй, это одна из самых интересных частей книги, поскольку обычно исследования по историографии варяжской проблемы начинаются с анализа трудов XVIII в. Соколов указывает на общеевропейский феномен интереса к вопросу о происхождении народов и их этнонимов. Европейские интеллектуалы Раннего Нового времени строили выводы с помощью аналогий и созвучий с этнонимами Античности, а также априорного признания этнического родства между народами, проживающими на одной территории. Специфика этнонимических конструкций заключалась в причудливой комбинации средневековых методов с пиететом перед Античностью. В этой связи повышенное внимание к этнической маркировке варягов со

стороны русских и иностранных историков не является чем-то из ряда вон выходящим.

Отмечая современную тенденцию связывать возникновение норманнской концепции со шведской историографией XVII в., автор указывает, что эта мысль «никогда так не педалировалась, как в последнее время» (с. 74). Действительно, в историографии возникновение норманнской теории традиционно принято связывать с немецкими историками Г.З. Байером, Г.Ф. Миллером и А.Л. Шлёцером, которые, в свою очередь, опирались на уже заложенный фундамент. Как подчёркивал А.А. Куник (что, кстати, отмечает в подстрочнике и автор монографии): «В период времени, начиная со второй половины 17 столетия до 1734 г., шведы постепенно открыли и определили все главные источники, служившие до XIX в. основой учения о норманском происхождении варягов-руси»².

Идея о скандинавском происхождении Рюрика и его варягов-руси в шведской историографии XVII–XVIII вв. базировалась на убеждении шведов в «исключительности» своей истории, основывавшем на идеях готицизма и мифе о гиперборейцах. Более того, готицизм был свойствен не только шведскому дворянству (с. 76) и в конце XVII — первой половине XVIII в. получил широкое признание во многих странах Европы³. Кроме того, скандинавская концепция совпадала с политическими амбициями Шведского государства. Таким образом, ряд современных исследователей, проводящих мысль о возникновении идей норманизма в шведской историографии XVII в., в действительности обращают внимание на факт, известный ещё в XIX в., но основательно забытый или затушёванный в последующее время.

Пристальное внимание в рецензируемой книге уделяется выявлению версий этнического происхождения варяжской руси, присутствовавших в исторических сочинениях XVI–XVII вв. Наиболее обстоятельно разбирается роксоланская, восходящая к античным сочинениям и принятая многими авторами Нового времени. Помимо этого, Соколов обнаруживает ещё шесть альтернативных версий: эпонимическую (происхождение от Руса); библейскую (от князя Рос книги пророка Иезекииля); версию

происхождения этнонима от слова «рассеяние»; от внешних признаков (русые волосы); топонимическую (от города или реки Руссы); варяжскую («от варяг прозвася русь») (с. 107). Выявление ряда разнородных подходов не только демонстрирует сложность изучения проблемы, но и показывает множество потенциальных альтернатив, которые могли бы реализоваться в развитии историографии варяжского вопроса в XVIII и даже XIX в.

В главе, посвящённой историографии XVIII в., главный акцент делается не на «очищении» развивающейся исторической науки (а именно в XVIII в., считают многие, в России появилась собственно историческая наука) от наследия предыдущих веков. Наоборот, наглядно демонстрируется, что теории «донаучного» периода продолжают жить и успешно адаптируются в новых условиях. Так, роксоланская версия в XVIII в. находит множество сторонников и долгое время является более или менее успешным конкурентом скандинавской. Большой популярностью пользовалась финская концепция В.Н. Татищева и И.Н. Болтина. Исследователь вновь выделяет семь основных концепций, существовавших в исторической мысли XVIII в. Помимо уже упомянутых «роксоланской», «скандинавской» и «финской», это сарматская, готско-роксоланская, библейская и скандинаво-рисаландская.

В монографии хорошо показано, что разные конкурирующие концепции не становятся герметичными, а взаимопроникают, что особенно заметно на примере полемики М.В. Ломоносова и Г.Ф. Миллера, когда последний учитывал критические аргументы оппонента и корректировал или дополнял свои взгляды. При этом автором подчёркивается лучшая методологическая оснащённость Г.Ф. Миллера. Соколов показывает, что поиски решений варяжского вопроса привели к возникновению сложностных концепций. Достаточно подробно рассматривая точку зрения А.Л. Шлёцера на происхождение имени «русь» (с. 151–154), автор обращается главным образом к его «Нестору». В то же время он обходит вниманием более раннюю работу — «Probe russischer Annalen» («Опыт изучения русских летописей»), вышедшую в Гёттингене в 1768 г., и, по сути, ставшую программой Шлёцера по изучению

русской истории. Справедливости ради следует заметить, что русский перевод этого сочинения впервые появился в 2015 г.⁴ В «Опыте...» Шлёцер ещё не связывал так однозначно русь со Швецией, а находил её истоки на юге, у побережья Чёрного моря⁵.

Заключительная глава касается развития варяго-русской проблемы в XIX в. Благодаря книге Шлёцера «Нестор» широкое распространение получает норманнская версия. Её популяризатором стал Н.М. Карамзин. В то же время указано, что взгляд Карамзина на проблему этнической принадлежности варягов был гораздо сложнее. По мнению Соколова, «концепцию Карамзина можно разделить на основную, в соответствии с которой русь — это шведы Рослагена, и альтернативную, где русь — это скандинавы, поселившиеся в Пруссии» (с. 166). Впрочем, распространение скандинавской концепции столкнулось с усиливающимся антинорманистским историографическим потоком. В историографии зачастую мотивом возникновения антинорманизма называют чувство ущемлённого национального достоинства⁶. Солидаризуется с этой точкой зрения и Соколов, указывая, что для «абсолютного большинства» антинорманистов XVIII–XIX вв. «важным мотивом была борьба с концепцией, в их представлении унижавшей национальное достоинство» (с. 130, 239–240).

С нашей точки зрения, рассматривать дискуссию между норманистами и антинорманистами как спор строгой науки, основанной на критике источников, с идеологической установкой, возникшей в сфере политики и национальных предубеждений, есть явное упрощение проблемы. Один из крупнейших знатоков историографии варяжской проблемы В.А. Мошин ещё в 1931 г. не без иронии отметил: «Было бы весьма занятно искать публицистическую, тенденциозно-патриотическую подкладку в антинорманистских трудах немца Эверса, еврея Хвольсона или беспристрастного исследователя Геденова»⁷.

Затухание интереса к варяжскому вопросу в 1880–1890 гг. автор связывает с антинорманистской критикой, которая привела к тому, что «учёные... начали сторониться этой проблемы, сомневаясь в возможности её позитивного разрешения» (с. 262). Данное утверждение можно подвергнуть сомнению.

В начале XX в. абсолютное большинство российских профессиональных историков определилось в своих скандинавских предпочтениях, и «норманистская» концепция стала чем-то само собой разумеющимся. А затухание интереса к проблеме скорее связано с общим методологическим поворотом и утверждением позитивизма, постулирующего акцент не на этногенетических, а на социально-экономических проблемах.

В заключение Соколов даёт «оценку научных результатов учёных, придерживающихся различных концепций» (с. 283–284). На наш взгляд, несколько странно звучит вывод о том, что основным мотивом антинорманистов для расширения источниковой базы по варяжскому вопросу выступала «невозможность однозначно связать данные аутентичных источников с нескандинавским народом». Можно указать, что поиском и накоплением новых источников по проблеме занимались не только противники, но и сторонники скандинавской концепции ввиду скудности источниковой базы и неоднозначности показаний источников. Несмотря на ряд спорных моментов, автор даёт развёрнутую и наглядную картину мнений и дискуссий вокруг варяжской руси.

Книга содержит множество интересных замечаний и выгодно отличается историографическим плюрализмом, стремлением разобрать доводы конкурирующих сторон «без гнева и пристрастия», учитывая наработки исследователей из разных лагерей. Это наглядно доказывает, что вековой спор норманистов и антинорманистов представляет единый историографический процесс, сложный, но диалогичный. Наверное, таково главное впечатление, которое выносит читатель книги С.В. Соколова. К сожалению, она не решает всех поставленных задач. Так, постулируемый автором сравнительный подход в выявлении европейского

контекста проблемы выдерживается явно не до конца. Сознательный упор на тему как научной проблеме не позволил полноценно использовать и весь потенциал подходов современной интеллектуальной истории. Точнее даже так: автор предложил классическую версию истории идей, но не стал подробно исследовать социально-политический и культурный контекст их развития. Так, можно было бы проанализировать историографический процесс в контексте нациестроительства в современной Европе, рассмотреть коммеморативный фактор (например, юбилей 1000-летия России в 1862 г.) в изучении варяжского вопроса. Впрочем, это могло бы стать темой отдельного исследования.

Примечания

¹ Например: *Фомин В.В.* Варяги и варяжская русь: К итогам дискуссии по варяжскому вопросу. М., 2005; *Клейн Л.С.* Спор о варягах: История противостояния и аргументы сторон. СПб., 2009; Варяго-русский вопрос в историографии: Сборник статей и монографий. М., 2010.

² Замечания А. Куника (По поводу критики г. Фортинского). СПб., 1787. С. 2.

³ *Грот Л.П.* Гносеологические корни норманизма // Вопросы истории. 2008. № 8. С. 111–117; *Грот Л.П.* Утопические истоки норманизма: мифы о гиперборейях и рудбекианизм // Изгнание норманнов из русской истории. Сборник статей и монографий. М., 2010. С. 321–338.

⁴ *Шлёцер А.Л.* Опыт изучения русских летописей // Скандинавomania и её небылицы о русской истории. Сборник статей и монографий. М., 2015.

⁵ Там же. С. 280–282.

⁶ *Томсен В.* Начало русского государства. М., 1891. С. 19; *Шаскольский И.П.* Антинорманизм и его судьбы // Проблемы отечественной и всеобщей истории. Генезис и развитие феодализма в России. Вып. 7. Л., 1983. С. 42, 45, 50.

⁷ *Мошин В.А.* Варяго-русский вопрос // Варяго-русский вопрос в историографии... С. 113.